

«НОВАЯ ЭТИКА» КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КУЛЬТУРНОЙ РЕГРЕССИИ

Концепт «новой этики», который в последнее время активно утверждается в системе гуманитарного дискурса и в общественном сознании, интегрирует и маркирует некое множество идеологий, нетрадиционных жизненных стилей и протестных движений, борющихся против несправедливости и дискриминации, харассмента и домогательств, этнофобии и ксенофобии, утверждающих в общественном сознании привилегированный статус ЛГБТ-идентичностей и новых форм сексуального партнерства, исповедующих «культуру бойкота и отмены», обсуждающих проблему инклюзивности лиц с ограниченными возможностями здоровья и т. д. Новизна ее подхода заключается в персонализации морали, отрицании «господства ее всеобщих форм, будь это традиция, голос большинства, норма закона, мнения философов»¹. Проектировщики и адепты «новой этики» позиционируют ее в качестве глобального «гуманистического проекта», способного обеспечить равенство, справедливость и взаимоуважение людей, независимо от их расовой, половой и религиозной принадлежности, трансгендерной и сексуальной идентичности. Для увеличения «символического капитала» они идут на откровенную подмену исторических истин, ассоциируя «новую этику» с принципами христианского милосердия и равенства всех перед Богом.

Однако за этими красивыми лозунгами обнаруживаются иные замыслы и смыслы проекта: в последние десятилетия «новая этика» обретает статус института модификации ценностно-нормативного базиса культуры. Не случайно в отечественной гуманитарной мысли и в сетевом пространстве предметом острых дискуссий становятся последствия экспансии ценностей «новой этики» для душевного и нравственного здоровья общества. В формате радикальной крити-

¹ См.: Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Университетская этика: моральные проблемы цифровизации образования : Ведомости прикладной этики. Тюмень : НИИ ПЭ ТИУ, 2021. Вып. 58. С. 104–105.

ки «новая этика» характеризуется как разрушительная аморальная демагогия, красная линия, обозначающая крах тысячелетних нравственных устоев цивилизации, она обвиняется в тоталитаризме и геноциде, порождении анархистского хаоса, дискредитирующего каноны высокой культуры и основы гуманитарного знания. Крайне негативную оценку феномену «новой этики» дают консервативные организации, борцы с русофобией, морально ответственные гуманитарии, которые фиксируют «развратное» влияние ЛГБТ-движения, отмечают деструктивный пафос «субверсивной идеологии аморализма». Концепт «новой этики» квалифицируется как «зловредный языковой объект-трикстер» (Элла Россман), «вербальная химера», интеллектуально безответственный «моральный кентавр», содержательное ядро которого формируют мутные по смыслу англоязычные номинации типа «харассмент», «шейминг», «канселинг», «абьюз», «гостинг», «инклюзии» и др.

Мы разделяем центральный тезис оппонентов «новой этики»: данный концепт является маркером всей совокупности идеологий и практик, откровенно диссонирующих с традиционными ценностями и нормами. Под лозунгом гуманизма и прав человека этот глобальный проект вписывается в стратегию *управляемой эволюции*: он обеспечивает культурную и правовую легитимность практически всему спектру девиаций и трансгрессий, осуществляя тем самым *моральную инверсию* — смену знака ключевых духовно-нравственных универсалий культуры.

Во-первых, идеология «новой этики» строится на концепции «приятия» (*affirmation*), которая постулирует безоценочное, безоглядное принятие всего спектра личностных идентичностей и соответствующих жизненных стратегий, полную и безоговорочную к ним лояльность. Обратной ее стороной становится крайняя, радикальная форма нетерпимости, которая получила метку «морального рейха»: обязательность «приятия» исключает и запрещает любые формы несогласия, провоцирует репрессивные стратегии по отношению к сторонникам иной точки зрения. И даже нейтралитет квалифицируется как средство сокры-

тия своего подлинного лица, а молчание — как измена. Исповедуемый идеологами «новой этики» лукавый принцип «ненасилия» в реальности превращается в свою противоположность: всякого рода группы «социальных маргиналов» и «дискриминаций» не только требуют к себе безоговорочной лояльности — в экстазе агрессивного самоутверждения они воспроизводят архаические практики конструирования «*козла отпущения*»², роль которого теперь играют носители традиционных норм и ценностей. Даже моральная безупречность кандидата на роль «*козла отпущения*» цинично превращается в повод его социальной депривации. Быть добрым «становится страшно и мучительно».

Отстаивая права дискриминируемых групп на социально-культурную реабилитацию и компенсацию, «новая этика» переводит их в категорию мстительных жертв, которые начинают утверждать свой статус путем публичного унижения нелояльных фигур, в том числе в форме публичного признания ими своей моральной вины и последующих извинений. Возбужденные группы «подсевших» на идеологию «новой этики» активно используют приемы *нравственной репрессии* — они снижают рейтинги в массмедийном пространстве и разрушают репутацию тех, кто придерживается иной точки зрения, добиваются их увольнения, бойкотируют производимые ими товары и услуги. ЛГБТ-активисты в информационном пространстве используют специальные концепты, которые символизируют «неправильные», «некорректные», «токсичные» мысли и «неприемлемые» (*inappropriate, unacceptable*) модели поведения (*гомофобии, исламофобии, трансфобии* и т. д.)³. В таком качестве идеология и практика «новой этики» становятся средством сегрегации, провокатором ментальных эпидемий агрессии, нетерпимости и вражды. Насилие и произвол представителей *новой нормальности* разрушают матрицы социальной солидарности:

² Данный конструкт символизирует статус *Homo sacra* — человека, лишенного прав на защиту от любых форм агрессии (Дж. Агамбен).

³ См.: Афанасьева Н. Тоталитарна ли «новая этика»? Обсуждают философ и социолог // Афиша Daily : [сайт]. 2021. 19 февр. URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/18867totalia-li-novaya-etika-obsuzhdayut-filosof-i-sociolog> (дата обращения: 25.05.2023).

теперь каждый может стать подозреваемым в нелояльности, и в таком качестве — потенциальной жертвой. В своих крайних формах ярые сторонники «новой этики» выполняют функцию института *моральной инквизиции*, «отменяя провинившихся», отказавшихся играть роль кающихся грешников, агрессивно стирая их из информационного пространства. Процедура отмены (*cancellation*) становится разновидностью *публичной казни* (Christopher Van Eecke).

Во-вторых, *сверх-идея* «новой этики» состоит в деформации духовно-нравственных матриц мировой культуры путем инверсии ее ценностно-нормативного базиса, легитимации «репрессированных» предшествующими этапами человеческой цивилизации «деструктивных оппозиций». В частности, *свобода*, которая в концепции европейского либерализма легитимирована как право личности на осуществление в своей земной биографии всей совокупности талантов и возможностей, превращается в собственную противоположность: она становится свободой от... национально-культурной идентичности, стыда, совести, справедливости и даже пола. Ее уродливая метаморфоза превращает защитников культурного многообразия и инклюзивности в фанатичных гонителей тех, кто исповедует выстраданные историей ценности и нормы человеческого общежития. Мутированная, извращенная версия свободы обеспечивает право выбора любых идентичностей, трансгрессий, патологий. «Новой нормальностью» оказывается практически весь спектр человеческих девиаций. При этом моральное уродство в критериях классической культуры становится признаком избранности.

Смена ценностно-нормативной модели морально ответственными и интеллектуально вменяемыми гуманитариями квалифицируется как завершающая, предельная фаза этической деградации эпохи постмодерна. «*А-этика*» нового тысячелетия становится триумфом «моральной пустоты», институтом «атрофии нравственного инстинкта как такового», симулякром, лишь по форме имитирующим этику (С. С. Хоружий). Свидетельством коллапса этики в ее

традиционном смысле является растабуирование греха, культурная легитимация деструктивных энергий и бесчеловечных поступков, которые уже не вызывают морального осуждения — они утверждаются в общественном сознании не только как допустимые, но и как престижные, социально-статусные, достойные одобрения и уважения. Человек, исповедующий жизненные сценарии «новой этики», превращается в существо, озабоченное преимущественно биологическими отправлениями. Такой жизненный стиль убивает главный орган человека — его душу, ответственную за переживание чувств стыда и вины, сострадания и совести, веры, надежды, любви. Стыд — этот основной признак отличия человека от животного (В. С. Соловьев), трактуется как «антигуманная энергия аутоагрессии», подлежащая искоренению (характерное высказывание одного известного певца, который публично заявил, что источником его обращения к наркотикам стало чувство стыда).

Значимым агентом «революции» в области нравственности является институт массмедиа, использующий весь спектр антропоцентрированных технологий и методов «социальной инженерии». Консолидации активистов «новой этики» и пропаганды их жизненных стратегий способствуют социальные сети, в пространстве которых формируются не подлежащие контролю информационные волны. На Западе мощным средством пропаганды «новой этики» становятся публичные выступления массмедийных персон, голливудских звезд. Задачу «нравственной регрессии» молодежи активно и с упоением решает современное искусство, НПО. Инверсию ценностей, разлагающую моральные основания человеческих связей, осуществляют инициированные неолиберальными идеологами проекты толерантности и политкорректности, которые поддерживаются представителями крупного капитала и транснациональными организациями, владеющими огромными финансовыми ресурсами и техническими средствами воздействия на умы. «Гендерный волонтаризм» становится доминирующей парадигмой даже в западных университетах, превращая сторонников здравого смысла в изгоев, вынужденных публично каяться или покидать учебное заведе-

ние. Утверждение «новой реальности» происходит и на лингвистическом уровне, где ее маркирует словарь терминологии ЛГБТ: *пангендер* — человек, чья гендерная идентичность включает в себя множество гендеров или все гендеры»; *новосексуал* — человек, чья сексуальная идентичность видоизменяется в соответствии с его гендерной идентичностью»; *зедсексуал* — человек, испытывающий сексуальное влечение к другим людям»⁴.

Новая этика «фальшивой покорности», исповедующая «всеразлагающий цинизм», превращается в институт этической деградации и активной атрофии нравственного инстинкта. Она становится проектом *самоапокалипсиса*, сценарием рукотворной эсхатологической трагедии перехода в *сверх-, пост-, транс-зомби* (М. В. Привалова). По существу мы наблюдаем антропологическую регрессию — разборку образа человека, который был сотворен текстами осевого времени и удерживался ключевыми институтами культуры более двух тысяч лет. Новая этика утверждает человека как тип простейшего животного, для которого биологические отправления — смысл жизни, а безопасное существование и бегство от любых форм страдания — ее принцип и цель. Такой тип уже не вписывается в формулу *чело-века* — как чела, обращенного к вечности.

Но шанс удержания духовно-нравственной вертикали цивилизации остается. Надежду и оптимизм внушает неискоренимая человеческая потребность поиска смысла жизни, которая острее сознается в ситуации кризиса, на краю. Гарантом сохранения и развития выстраданного тысячелетиями истории духовного вектора цивилизации выступает метафизическая сущность человека — его свобода. «Мы всегда можем измениться. В этом суть человека — в свободе. Не в свободе от греха, ошибки или преступления, но в свободе преодолеть их, измениться, повернуться в обратном направлении — к своим духовным истокам»⁵. Ресурсом выхода из кризиса являются безграничные возможности человека, который в «пограничных» ситуациях истории всегда являл высокую

⁴ См.: Афанасьева Н. Указ. соч.

⁵ См.: Дугин А. То, что происходит с коронавирусом, — колоссальный удар по человечеству. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/492115> (дата обращения: 25.05.2023).

планку моральной ответственности, спасая мир от нисхождения в бездны насилия (К. Ясперс). «Человек не может оставаться только человеком, он должен или подняться над собой, или упасть в бездну». От него зависит «чем надлежит быть вселенной — зверинцем или храмом»⁶. В период глобальной смены цивилизационной парадигмы усилиями интеллекта и души человек обязан сохранить ключевую функцию культуры — преодоление аномии и минимизацию морального хаоса, рождающего гибельную для жизни во всех ее проявлениях энтропию.

⁶ См.: *Трубецкой Е.* Три очерка о русской иконе. М. : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2021. С. 395–396.